

А.В. Никитенко

**Записки и дневник
(1826-1877)**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.В. Никитенко**
Записки и дневник (1826-1877): Том 3 / А.В. Никитенко – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 464 с.

ISBN 978-5-517-98207-0

ISBN 978-5-517-98207-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Д Н Е В Н И К Ъ

1865—1877 гг.

1865 годъ.

Январь.—1. Пятница. Вотъ и 1865-й годъ! Всѣ эти іереміады и сентиментальныя сѣтованія на неблагопріятныя обстоятельства, на неблагосклонность къ намъ судьбы и проч.—больше, чѣмъ малодушіе: они—глушь. Посреди неудачъ жизни одно изъ двухъ: ихъ или надо съ мужествомъ и благоразуміемъ превозмогать и искать путей къ лучшему, или, если это невозможно, сносить ихъ съ терпѣніемъ и мужествомъ, какъ подобаетъ существу, не лишнему права и воли.

Самая трудная борьба, которую я велъ въ прошедшемъ году и которую, безъ сомнѣнія, предстоитъ вести и въ этомъ—это борьба съ моимъ ничтожествомъ и при томъ съ ничтожествомъ всяческимъ, общественнымъ, нравственнымъ, матеріальнымъ и физическимъ...

Но къ чему все это пишу я въ моемъ Дневникѣ? А вотъ почему. Меня одолѣвалъ ужасный пароксизмъ унынія, но съ той минутой, какъ я началъ набрасывать эти строки, я значительно успокоился и почти развеселился, несмотря на то, что о веселомъ мало приходится говорить. И такъ часто со мной случается. Дневникъ, играя роль моего повѣреннаго, почти всегда восстанавливаетъ во мнѣ нравственное равновѣсіе. Толкуйте это какъ хотите, психологи: это фактъ.

— 2. Суббота. Вчера вечеромъ на балѣ во дворцѣ. Пріѣхалъ въ 9 часовъ. Гостей было уже довольно много. Государь вышелъ въ польскомъ лишь часъ спустя, и за нимъ потянулся рядъ паръ все почти изъ ветхихъ старушекъ и старичковъ. Красивыхъ женщинъ вообще здѣсь мало. Звѣздой первой величины сіяла наша родственница, бывшая Ш., нынѣ графиня Г., да еще гос-

пожа Дубельтъ, дочь А. С. Пушкина ¹⁾). Государь ходилъ вездѣ и привѣтливо раскланывался. Улыбка этого человѣка полна неизмѣримою кротости и доброты. Мнѣ стало грустно отъ нея... И этотъ человѣкъ имѣетъ враговъ, и сколько еще, и какихъ— все почти „передовые“ люди!

За ужинномъ мнѣ пришлось сдѣлать противъ красавицы Дубельтъ, за которой увивался ^{***}, и возлѣ генерала Монтезоро, который мнѣ разсказалъ нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ изъ эпохи двѣнадцатаго года. Онъ былъ адъютантомъ Кутузова... Встрѣтилъ тутъ много знакомыхъ. Уѣхалъ послѣ часу. На этотъ разъ долго ждалъ кареты.

— 3. Воскресенье. Вчера празднованіе дня открытія „Общества сельскихъ хозяевъ“. Обѣдъ съ музыкою. Вечеромъ за жженкою князь Щербатовъ сказалъ спичъ, гдѣ выразилъ мысль, что общество должно вести себя умѣренно и сдержанно. Подъ этимъ только условіемъ оно можетъ окрѣпнуть и приобрести вліяніе, и пр. Меня очень занималъ Ш. Красный, какъ піонъ, онъ пилъ и ѣлъ за столомъ отлично, а вечеромъ вливалъ въ себя также отличную ужасную жженку. И ничего ему. А лѣтъ ему за семьдесятъ и кондрашка уже разъ къ нему стучался.

— 4. Понедѣльникъ. Фаустъ Гете выше Байронова Манфреда настолько, насколько человѣчество выше отдѣльной личности человѣка.

Законы не могутъ ни всего предвидѣть, ни всего установить. Что остается за вычетомъ этого, то устанавливается и хранится правами.

— 7. Четвергъ. Поутру у Тройницкаго и у Норова. Норовъ просилъ меня сдѣлать замѣчаніе на проектъ о печати, внесенный въ Государственный совѣтъ. Онъ далъ мнѣ всѣ матеріалы для этого. М. А. Корфъ, видимо склоняется въ пользу бѣльшей свободы печати, хотя и признаетъ необходимыми нѣкоторыя ограниченія, напримѣръ, въ видѣ предохранительной мѣры—предварительную цензуру, но съ выборомъ редакторовъ журналовъ. Залогъ онъ совершенно отвергаетъ. Онъ въ пользу ка-

---

¹⁾ Наталья Александровна, пипѣ графиня Меренбергъ, по второму замужеству, морганатическая супруга брата бывшаго владѣтеля герцога Пассаускаго.

рательныхъ законовъ. Требуешь ограниченія власти министра и предоставленія большей самостоятельности совѣту. Онъ мыслить и пишетъ какъ государственный человѣкъ. Панинъ также соглашается съ мнѣніемъ объ ограниченіи власти министра. Самое слабое мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ Валуева. Онъ возражаетъ противъ всѣхъ, но возраженія его такъ плохи и такъ смутно и тяжело изложены, что никого не могутъ убѣдить. Только и читаешь безпрестанно: „остаюсь при моемъ мнѣніи“. Онъ не выходитъ изъ тѣсной рамки бюрократизма.

Среди всѣхъ этихъ толковъ не доберешься до смысла и правды. Каткова призывали сюда. Ему было объявлено, что если онъ не укротится, то газета будетъ отъ него взята и передана въ другія руки. Московскій университетъ объявилъ, что онъ не желаетъ перемѣнить редакторовъ (газета—его) и принимаетъ самъ на себя цензуру ея. Это совершенно неожиданная новость. Москва вообще сильно волнуется по поводу „Московскихъ Вѣдомостей“.

— 8. Пятница. Вечеромъ, между прочимъ, былъ у меня М. А. Марковъ, бывшій нѣкогда очень близкимъ лицомъ къ Я. П. Ростовцеву и съ которымъ я у него познакомился чуть-ли еще не въ 1828 году. Онъ читалъ мнѣ отрывки изъ своей комедіи: „Прогрессистъ самозванецъ“, которую театральная цензура не дозволила играть въ театрѣ.

— 11. Понедѣльникъ. Онъ (?) думалъ управлять ими не какъ разумными существами, а какъ стадомъ барановъ—и въ этомъ состояла его главная ошибка, потому что хотя въ человѣкѣ и есть много скотскаго, но это скотство всетаки особеннаго свойства, и, какъ нельзя рыбу заставить пѣть, а птицу вѣчно молчать, такъ человѣка нельзя заставить, напримѣръ, не мыслить.

— 14. Четвергъ. Московское дворянство составило адресъ, въ которомъ проситъ созванія земской думы. Маркъ читалъ копию съ него, которая ходитъ здѣсь по рукамъ. Адресъ еще однако не подписанъ и не поданъ, но рѣшеніе о немъ въ Москвѣ состоялось: триста два члена согласились на него, тридцать съ чѣмъ-то отвергли.

Графъ Евдокимовъ—весьма замѣчательная личность между нашими современными знаменитостями. Изъ писарей онъ дослужился до полнаго генеральства и графства, приобрѣтя на то и

другое неотъемлемое право окончательнымъ довершеніемъ покоренія Кавказа. На дняхъ онъ пріѣхалъ съ визитомъ къ князю Суворову, который, нося громкое имя, присоединяетъ къ нему имя добраго, но ограниченнаго человѣка и неспособнаго генераль-губернатора. Онъ очень помнитъ, чей онъ потомокъ и считаетъ себя чистокровнымъ аристократомъ. Ему захотѣлось поговорить передъ Евдокимовымъ. Говоря съ нимъ съ какимъ-то покровительственнымъ видомъ, онъ давалъ ему разными намеками чувствовать свою свѣтлость и темноту его происхожденія. То были намеки хотя и чувствительные, но не очень ясные. Евдокимовъ сказалъ ему:

— Ваша свѣтлость, кажется, затрудняетесь въ точныхъ свѣдѣніяхъ о моей родословной. Я помогу вамъ. Отецъ мой былъ крѣпостной крестьянинъ, мать — крѣпостная крестьянка, а я началъ службу мою простымъ солдатомъ и писаремъ. Теперь я имѣю честь носить такіе же аксельбанты (генераль-адъютантскіе), какіе вижу на вашей груди. Само собою разумѣется, что мнѣ не могли доставить ихъ ни мой отецъ, ни моя мать.

Московскій университетъ просилъ, чтобы ему, по примѣру прошлаго времени, предоставлена была цензура „Московскихъ Вѣдомостей“. Просьба эта разсматривалась въ Комитетѣ министровъ, который положилъ по ней слѣдующую резолюцію: „Прежнія „Вѣдомости“ не заключали въ себѣ политики, и онъ, комитетъ, вообще не считаетъ возможнымъ дѣлать изъятія изъ законовъ для одного изданія“.

Вотъ, наконецъ, сегодня въ совѣтѣ по дѣламъ печати рѣшился вопросъ о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ по поводу записки Пржецлавскаго.... Сущность рѣшенія состояла въ томъ, что если „Московскія Вѣдомости“ и погрѣшали, то это было слѣдствіемъ ихъ увлеченія, „моральнаго настроенія“, а вовсе не политическихъ, преступныхъ намѣреній; что впрочемъ онъ уже и подверглись взысканію и что вообще, какъ заслуги ихъ превосходятъ проступки, то совѣтъ не считаетъ справедливымъ подвергнуть ихъ еще болѣе строгому взысканію, какъ того требуетъ записка г-на Пржецлавскаго.

— 15. Пятница. Прискорбныя вѣсти о Наслѣдникѣ цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ. Говорятъ, онъ боленъ и такою болѣзнию, которая заставляетъ опасаться за его жизнь.

Мысль о созваніи земской думы недурна. Жаль только, что это инициатива не отъ правительства, а только отъ мѣстнаго дворянства. Я остаюсь твердо убѣжденнымъ, что долженъ сохраняться непркосновеннымъ принципъ правительства, дабы не впасть въ хаосъ, горшій настоящаго (1865 г.). Мнѣ кажется, что въ настоящемъ случаѣ правительству всего разумнѣе было-бы объявить московскому дворянству, что сужденіе объ общихъ государственныхъ нуждахъ принадлежитъ ему, правительству, какъ представителю цѣлой страны, а не одному какому-нибудь мѣстному дворянству; что оно, правительство, вовсе не намѣрено въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится государство, отвергать пользы и надобности земской думы, такъ какъ та и въ прежнія времена не отвергалась самодержавною властью въ Россіи; но что оно предоставляетъ себѣ, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшить время и способъ своихъ совѣщаній съ выборными, нравственное содѣйствіе которыхъ, въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ, оно не считаетъ лишнимъ.

— 16. Суббота. Засѣданіе коммисіи, которую Академія назначила для выработки проекта празднованія столѣтняго юбилея Ломоносова со дня его смерти. Коммисія на этотъ разъ дѣйствовала вяло. Тутъ были члены все русскіе, кромѣ А. А. Кунька. Я предложилъ начать праздникъ обѣдней, такъ какъ это будетъ на Святой недѣлѣ—потомъ церковнымъ поминованіемъ и закончить актомъ въ Академіи. Всѣ приняли это очень холодно. Особенно противъ былъ Веселовскій. Я сказалъ:

— Если я предлагаю присоединить къ нашему ученому торжеству религіозный элементъ, то, мнѣ кажется, я имѣю на это основательную причину. Мы празднуемъ память Ломоносова не просто какъ члена Академіи, но какъ знаменитаго дѣятеля, которому обязана вся Россія, и имя котораго повторяется изъ конца въ конецъ ея. Это настоящее національное, а не только академическое торжество. Поэтому, я полагаю, было-бы не лишнимъ сообщить ему печать народности, что и было-бы достигнуто тѣмъ, что я предложилъ. Или мы боимся, чтобы насъ не упрекнули въ клерикальномъ направленіи? Кажется, этого нечего опасаться. Ломоносовъ былъ настоящимъ русскимъ, и по русски слѣдовало бы и почтить его память.

Срезневскій, который въ отдѣленіи сильно поддерживалъ

эту мысль, теперь молчалъ, какъ рыба. Потомъ перешли къ вопросу, какія рѣчи должны быть произнесены. На мою долю пришлось приготовить рѣчь о Ломоносовѣ, какъ о дѣятелѣ въ изыщной словесности.

— 19. Вторникъ. Въ № 4 газеты „Вѣсть“, издаваемой Скарятинимъ, напечатанъ адресъ московскаго дворянства съ высокопарными примѣчаніями редактора, съ описаніемъ засѣданія 9-го января и съ рѣчью графа Орлова-Давыдова.

И адресъ, и рѣчь какъ бы обнаруживаютъ желаніе московскаго дворянства создать въ Россіи олигархію. Замѣчанія Скарятина даже дерзки. Я сегодня встрѣтилъ его на Невскомъ проспектѣ и, между прочимъ, замѣтилъ ему:

— Зачѣмъ вы это напечатали? Это большая ошибка.

Онъ отвѣчалъ мнѣ, что послѣдствія всего были предвидѣны, что это дѣлалось обдуманно.

Я поздравилъ его съ тѣмъ, что онъ на свободѣ: слухи носились, что онъ арестованъ.

— Я лучшаго мнѣнія о правительствѣ, отвѣчалъ онъ съ проницей,—оно поступило со мною легально. Теперь производится только слѣдствіе.

Между тѣмъ, говорятъ, что № 4 газеты „Вѣсть“ отпечатанъ въ пяти тысячахъ экземпляровъ и хотя они отбираются, однако, говорятъ, что извѣстной партіей приняты мѣры, для распространенія ея въ Россіи и за границей.

По всему видно, что адресъ московскаго дворянства не простая демонстрація, а обдуманный шагъ. Скарятинъ же, вѣроятно, купленъ. Дѣла его газеты шли очень дурно. Ему обѣщаны и даны деньги: ему было все равно—пасть-ли отъ нищеты или отъ запрещенія газеты. Въ послѣднемъ случаѣ онъ еще будетъ въ выигрышѣ, приобрѣтетъ извѣстную популярность.

Нѣтъ сомнѣнія, что проектъ московскаго дворянства встрѣтитъ сочувствіе въ нѣкоторыхъ дворянахъ и въ другихъ губерніяхъ. Извѣстная часть дворянъ восчувствовала нерасположеніе къ правительству послѣ отмены крѣпостнаго права.

„Вѣсть“ прекращена на восемь мѣсяцевъ.

Нѣкоторые открыто говорятъ, что ничего этого не случилось-бы, если бы * не былъ назначенъ . . . Но я думаю, что дворянство и безъ того, такъ или иначе, выразило бы свое неудо-

вольствіе . . . . ., особенно послѣ земскихъ учрежденій, въ которыхъ народу даны права, равныя съ дворянствомъ.

Обѣдалъ въ клубѣ. Тамъ разсуждали очень тихо о дѣлахъ.

— 21. Четвергъ. У Норова по поводу проекта законовъ о печати. Онъ собирается отстаивать двѣ вещи: исключительную карательную систему и коллегіальность управленія. Валуеву очень хочется достигнуть полной власти. Норовъ всячески старается стать со мною въ прежнія дружескія отношенія. Пусть себя! Я не противлюсь. Онъ далъ мнѣ свою записку для исправленія и дополненія.

— 23. Суббота. Отнесъ записку Норову. Большія благодарности.

Когда я похвалилъ М. А. Корфа Марку Любощинскому за его записку по дѣламъ печати, онъ мнѣ сказалъ:

— Записка можетъ быть хорошею, но думаете-ли вы, что Корфъ будетъ поддерживать въ совѣтѣ свои мысли? Повѣрьте, онъ отъ всего отречется, если ему представится малѣйшая возможность кому-либо угодить.

Такъ и случилось. Когда Норовъ, человѣкъ по крайней мѣрѣ бесспорно честный, началъ упрекать Корфа, что тотъ отстѣпается отъ собственныхъ своихъ мнѣній, Корфъ отвѣчалъ:

— Да пзъ-за чего вы, Авраамъ Сергѣевичъ, горячитесь? Вѣдь все это пустяки.

Однако, есть признаки, что баронъ Корфъ не считаетъ этого такими пустяками, потому что добивается совершенной отдѣльности по дѣламъ печати и себя прочитъ въ начальники этого управленія. Все беззаконія, мерзости человѣческія!

— 26. Вторникъ. Вечеромъ у Норова. Читалъ съ нимъ корректуру его мнѣнія для Государственнаго совѣта о проектѣ по дѣлать печати. Туда вошли и мои прибавки и измѣненія.

— 27. Среда. Теперь, когда я пишу о Лемоносовѣ—о художественномъ характерѣ его твореній, у меня вдругъ ошло воспоминаніе о томъ, какимъ уваженіемъ пользовался онъ во времена моего дѣтства даже среди массы простаго народа. Имя Лемоносова, какъ поэта, было извѣстно, но крайней мѣрѣ между малороссіянами, всѣмъ сколько-нибудь грамотнымъ людямъ. Мнѣ было лѣтъ десять или одиннадцать, когда однажды зашли къ намъ въ хату два бродячіе слѣпые пѣвца и просили у моего отца

позволенія пропѣть гимнъ. Отецъ, конечно, согласился. Какъ теперь вижу ихъ: одинъ—высокій, плотный мужична, въ синей свиткѣ, съ мужественнымъ и отчасти суровымъ выраженіемъ лица; другой—пониже ростомъ, рябоватый, съ очень подвижною физиономіею. Оба держали въ рукахъ по длинному посоху, за который ихъ и велъ небольшой мальчикъ. Я сидѣлъ въ углу комнаты, и меня очень занимала игра ихъ лицъ, особенно высокаго слѣнца, когда онъ сильнымъ, густымъ басомъ выводилъ ноты, стараясь придать своему пѣнію выраженіе, которое, очевидно, выходило у него прямо изъ сердца. Съ того времени и до сихъ поръ затвердился у меня въ памяти слѣдующіе стихи Ломоносова, которые слѣпые бродяги пѣли къ великому удовольствію моего отца и всѣхъ домашнихъ:

„Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Потщися, духъ мой, возсылать;
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О Немъ, пока могу дышать.

Никто не уювай во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ:
Ихъ тѣ-жъ родили человекѣи
И пѣтъ спасенія отъ нихъ!“

Сначала, какъ я сказалъ, меня занимала только игра ихъ лицъ, но потомъ, не знаю, какое-то особенное, невыразимое чувство овладѣло моимъ маленькимъ сердцемъ, и вотъ теперь я съ умиленіемъ вспоминаю о томъ. Отецъ сказалъ мнѣ тогда, что это стихи Ломоносова, и съ тѣхъ поръ нѣма его мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ.

— 28. Четвергъ. Совѣтъ по дѣламъ печати. Проектъ законовъ о печати, наконецъ, рассмотрѣнъ въ Государственномъ совѣтѣ, въ департаментѣ законовъ. Совѣтъ началъ и продолжалъ стремленіемъ ограничить неограниченную власть министра внутреннихъ дѣлъ и исправить многіе недостатки его проекта, а кончилъ полнымъ на него согласіемъ. Первый Корфъ протестовалъ противъ собственныхъ своихъ мнѣній, изложенныхъ въ запискѣ, которая написана такъ умно и искусно—но написана, говорятъ не имъ, а С**, состоявшимъ при немъ чиновникомъ, когда онъ управлялъ II-мъ отдѣленіемъ Собственной его вели-